

DOI: 10.31168/0433-6.13

БОНДАРЕВА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА

кандидат исторических наук руководитель центра
издательских проектов Фонд исторической перспективы
lebond@list.ru

Русский мир в работах русских историков белградского круга 1920-1940

Аннотация: В статье освещается история русской эмиграции в Югославии после 1917 г., рассматривается ее значение для развития югославского государства, автор делится опытом личного знакомства с представителями русской эмиграции в Белграде.

Ключевые слова: русская эмиграция, Югославия, Россия, православие, византийская культура, историческая наука, русские историки.

Как известно, русское «рассеяние» по миру после 1917 г. включало в себя более 1 млн человек. Наиболее многочисленными были русские колонии в Европе, в числе которых заметное место принадлежало русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия). В разные годы количество русских в Югославии было разным, так как через ее земли пролегал постоянный транзитный путь из Турции и Болгарии в остальную Европу. Большинство исследователей называют цифру 44 тыс. человек применительно к периоду 1922–1923 гг., когда русская колония была наиболее многочисленной. В последующие годы она несколько сократилась, в период конца 20–30-х годов русских эмигрантов в Югославии насчитывалось около 30 тыс. человек. Их численность упала до 18–19 тыс. человек к 1940 г., существенно сократилась в годы Второй мировой войны и сразу по ее окончании, в результате изменения политического строя Югославии и прихода к власти Иосипа Броз Тито, к 1950 г. уменьшилась до 8-9 тыс. человек.¹

1 *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919-1924. Београд, 1996. С. 187.

Согласно сохранившимся данным, людей с высшим и средним образованием среди русских эмигрантов в Югославии было более 75%, а совершенно неграмотных – всего 3 %. С точки зрения возрастной структуры самой многочисленной группой оказалась наиболее социально активная и трудоспособная часть – люди от 19 до 45 лет, составлявшие более 65 % от общего числа.² Столь квалифицированные и активные специалисты нашли применение знаниям и способностям в молодом югославском государстве, безусловно, заинтересованном в том, чтобы закрепить эти кадры и привлечь их к научной, педагогической и хозяйственной деятельности. Следует отметить, что правительству, и в особенности королю Александру Карагеоргиевичу, удалось достичь этой цели и создать в своей стране режим наибольшего благоприятствования для русских людей. Как мы помним, Александр Карагеоргиевич учился в России в Пажеском корпусе, хорошо знал русский язык, культуру и как никто смог оценить, какой интеллектуальный потенциал представляет собой Зарубежная Россия. В глазах эмиграции он всегда был «Королем-витязем» – олицетворением православного монарха. «Одним из замечательнейших государей истории» считал его философ И. Ильин.³

В связи с этим нельзя не сказать, что отношение к русским эмигрантам в Югославии, и прежде всего в Сербии и Черногории, было особым. На русских беженцев было перенесено традиционное отношение этих православных народов к исторической России, уцелевшей частью которой они и являлись в глазах местного населения. Многовековая защита Россией интересов православных славян, и в особенности роль России и императора Николая II в событиях Первой мировой войны, не могла остаться без ответа. Понимали в Югославии и то, что, по определению профессора Г.Н. Пио-Ульско-го, «потеря русскими их родины есть следствие войны», войны в защиту Сербии.

Общее настроение прекрасно выразил председатель совета министров Никола Пашич на заседании Скупщины 25 января 1922 г.: «...Что касается России, дело вам хорошо известно. Мы, сербы, а также и другие наши братья, которых нам довелось освободить и объединить, мы все благодарны великому русскому народу, поспешившему нам на помощь от гибели, которой нам угрожала Австро-Венгрия,

2 Там же. С. 281, 283.

3 Подробнее на эту тему см.: *Бондарева Е.А.* «Сейчас вы для меня еще дороже...» // Родина. 1996. № 10.

объявив войну. Если бы Россия не совершила этого, если бы не встала на нашу защиту, мы бы погибли... (Россия) увлекла и своих союзников, и мы были спасены от смерти. Мы этого не можем забыть. Мы сейчас приняли русских эмигрантов, и мы их принимаем без различия, к какой партии они принадлежат, мы в это не вмешиваемся. Мы только желаем, чтобы они остались у нас, мы их примем, как своих братьев, и пусть они располагают свободой...»⁴

Позиция, сформулированная Николой Пашичем, проводилась в жизнь государственными органами с первых дней прибытия русских беженцев на югославскую землю. В Белграде и после революции не прекратило деятельность русское посольство, оно существовало вплоть до 1924 г., а после того как под давлением СССР его деятельность была формально прекращена, фактически было просто переименовано в «Делегацию по защите интересов русских беженцев», с тем же руководством. Располагалась «Делегация» в здании русского посольства, там, где сейчас воздвигнут величественный памятник Императору Николаю II. На фасаде посольства напротив императорского дворца красовался двуглавый орел и развевался флаг Российской империи. Важно отметить, что в отличие от многих других стран, въезд русских в Югославию не был стеснен какими-либо квотами, визами и прочими формальностями. Государственная комиссия выделяла денежные пособия и расселяла вновь прибывших. Отделения трудовой подкомиссии занимались вопросами трудоустройства и организацией курсов по приобретению различных профессий, в которых было заинтересовано югославское общество.

Сербский историк М. Йованович, столь рано ушедший из жизни, оценивая значение русской эмиграции для развития югославского государства, выделяет несколько важнейших аспектов, в рамках которых вклад русских был особенно важен и существенен.

1. Личное участие русских специалистов в работе различных научных и культурных институтов (с именами русских связано рождение югославского балета, формирование оперного репертуара, возникновение целых отраслей фундаментальной науки...). При этом исследователь особо подчеркивает, что югославское государство получило уже готовых высококлассных специалистов, не затратив средств на их подготовку.

4 Йовановић М. Оп. cit. С. 60.

2. Привлечение русскими в Югославию специалистов из других стран: гастроли ведущих театральных трупп, ансамблей, проведение международных съездов, научных конференций – все это расширяло горизонты югославского общества.

3. Непосредственное осуществление русско-сербских рабочих контактов во всех сферах культурной, научной и хозяйственной жизни.

«Появление... большого числа русских интеллектуальных профессионалов различного профиля (среди которых было девять ученых, уже в 30-е гг. ставших академиками сербской Академии наук, а также свыше 600 преподавателей, что, возможно, имело даже большее значение) заполнило тот вакуум, который образовался в сербском (прежде всего) и в югославском обществе, экономике и культуре в результате гибели огромного числа людей в только что закончившейся войне. Появление русских беженцев представляло собой сильнейший общественный импульс для этого измученного народа, и что особенно важно, именно в тот момент, когда новое поколение национальной интеллигенции еще только начало формироваться».⁵

Как уже отмечалось, общий образовательный уровень русских был достаточно высоким, поэтому культурная жизнь колонии отличалась активностью и разнообразием. В 20-е гг. были созданы Общество славянской взаимности, Русский народный университет, Русская матица в Любляне (и ее филиалы), Союз ревнителей чистоты русского языка, Комитет русской культуры и др. К важнейшим общенациональным праздникам создавались специальные объединения – Юбилейный Пушкинский комитет, Комитет к празднованию 950-летия Крещения Руси.

Эмигранты считали Югославию «единственной страной, где существовали условия для создания системы образования российской молодежи» (свидетельство профессора Петербургского университета В.Д. Плетнева). К 1924 г. в Королевстве находилось 5317 русских детей, 28 % детей были сиротами. В сложных послевоенных условиях, когда на нужды собственных школ едва хватало средств, Государственная комиссия югославского правительства ежемесячно выделяла крупные суммы на русскую систему образования. В середине 20-х гг. в Югославии было около 30 начальных русских школ

5 Сибинович М. Значение русской эмиграции в сербской культуре XX века – границы и перспективы исследований // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 19.

и ряд специальных средних учебных заведений. В них преподавали русские учителя, по русским программам и методикам, в соответствии с югославской программой были добавлены сербский язык и литература, а также история и география народов Югославии⁶.

Школы, гимназии, институты и кадетские корпуса позволили сотням русских молодых людей получить полноценное национальное образование в условиях эмиграции. Из этих стен вышли отличные специалисты. Следует подчеркнуть, что после революции русские кадетские корпуса и девические институты сохранялись только в Королевстве Югославия. В этом смысле показательны цифры: среди общего числа русских в Югославии ученики и студенты составляли 11,11 %, в то время как среди населения Королевства процент учащихся был существенно ниже – 2,5 %⁷.

С самого начала 20-х гг., решив проблему хлеба насущного и крыши над головой, русские беженцы принялись самоорганизовываться и налаживать собственную общественно-культурную среду. Разрозненные инициативы увенчались созданием единого культурного и общественного центра – «Русского дома имени императора Николая II», какого не имела ни одна другая русская община ни в одной стране. «Русский дом» был построен по русскому проекту, на русской земле, на русские и сербские пожертвования.

Здесь разместились: Русский научный институт, публичная библиотека с архивом и издательской комиссией, Музей императора Николая II, Музей русской конницы, мужская и женская гимназии, музыкальное общество, художественное общество, мастерские, профессиональные союзы, театр и т. д. Обладая таким «институтом», русская эмиграция в Югославии постоянно выступала с общественными и культурными инициативами, становилась центром объединения русской диаспоры, здесь проходили конференции, съезды, юбилейные торжества. Бывали дни, когда русские люди особенно ощущали свое духовное единство, и к числу таких дней, несомненно, относятся Пушкинские торжества в 1937 г., когда в Белграде разворачивалась специальная программа, увидел свет «Пушкинский сборник», в который вошли статьи Вл. Ходасевича, Н.С. Трубецкого, С. Франка, И. Лапшина, Е. Аничкова, Петра и Глеба Струве, К. Тарановского и др.

6 *Јовановић М.* *Op. cit.* С. 44-46.

7 Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). Учебное пособие для студентов / Авт.-сост. Пивовар Е.И. и др. М., 1994. С. 91.

Не меньшее значение придавалось в Югославии и другому юбилею – 950-летию Крещения Руси, отмечавшемуся в 1938 г. В этом случае роль русской диаспоры в Югославии была особенно значительной, так как именно здесь располагался Синод РПЦЗ. В Белграде состоялись торжества, на которые съехались представители из разных стран, вышел «Владимирский сборник», куда были включены работы митрополита Анастасия (Грибановского), А.В. Карташева, М.А. Таубе, А.Л. Лаппо, Е.В. Спекторского, Д.А. Расовского, В.А. Розова и др.⁸

Вызывает удивление и почтение и тот факт, что в стране, опустошенной Первой мировой войной, король Александр нашел возможность и выделил пенсии, специальные пособия для таких известных русских писателей, как Бунин, Бальмонт, Мережковский и Гиппиус, которые жили, кстати, не в Югославии, а в Париже. Но из уважения к русской культуре он считал себя обязанным материально поддержать их в нелегкие времена⁹.

«Русский дом» сыграл в жизни эмиграции важнейшую роль культурного, организационного, общественного центра. Перед открытием его высокий покровитель король Александр говорил академику Александру Беличу: «Вы должны сохранить за русскими русскую душу. Смотрите, они приехали со своими семьями. Каждая семья – это народ в миниатюре, это проначало каждого народа. Поверьте, русские найдут в своих четырех стенах свою Родину, если семья будет дышать русской атмосферой. Русская школа – начальная и средняя – должна навсегда закрепить за ними русскую национальность, без которой их семья – оторванный листок от могучего дерева. И это не все, и этого мало. Русский человек не может жить без удовлетворения своих духовных потребностей. Помните это всегда. Приютить, накормить, вылечить – хорошо, необходимо и очень полезно. Но если в то же время вы не дадите русскому человеку отвести душу на лекциях, концертах, выставках, а в особенности в своем театре, в своей опере – вы ничего для него не сделали... Помните всегда, что есть в мире народ, который жертвует хлебом для духовных благ, которому искусство, наука, театр – также кусок хлеба. Это – наши русские».¹⁰

8 *Маевский Вл.* Русские в Югославии 1920-1945 гг. Нью-Йорк, 1966. С. 17.

9 Там же. С. 18.

10 *Кожина-Заборовская М.* Нетленный венок. Белград, 1936. С. 95.

В условиях эмиграции наши образованные люди стремились не только восстановить свой «Русский мир», который они стали по иному ценить после катастрофы на родине, но и изучать его и в этом огромный вклад наших историков, о чем я рассказывала в своей книге.¹¹ Федор Тарановский – академик, человек возрожденческого масштаба, прекрасно сформулировал эту идею: «Русская государственность в своем историческом шествии огосударствовала и, значит, цивилизовала необъятные пространства и многочисленные первобытные племена Европы и Азии; многочисленнейшему населению она давала мир, покоящийся на твердом законном порядке: как некогда говорили о рах Romana, можно и должно говорить о рах Rossica».

Рах Rossica – это русский исторический мир, русская цивилизационная сфера, сфера воздействия русской государственности. Именно эта тема стала почвой для многих мифов, стереотипов и предубеждений. Марксисты провозгласили Россию «тюрьмой народов», еще раньше в западном сознании укрепился миф о России варварской, непросвещенной и рабской. XX век прибавил к этому ужас перед большевизмом, и в результате мы сами готовы повторять любые небылицы насчет российской истории. А ведь еще Н.М. Карамзин писал: «Должно приучить россиян к уважению собственного прошлого... надобно знать то, что ты любишь, а чтобы знать настоящее, должно иметь сведения о прошедшем».

В Белграде трудился особый круг консервативно настроенных русских историков, близких к монархическому мировоззрению, и государственников, объединившихся вокруг Русского научного института. Белградские ученые тесно сотрудничали с другими крупными русскими научными центрами в Европе, откуда к ним приезжали с лекциями Иван Ильин, Евгений Трубецкой, А.А. Кизеветтер, А.В. Флоровский... За 30 лет существования белградский круг русских ученых взрастил новые поколения историков, среди них такие титаны, как академик Г.А. Острогорский, академик В.А. Мошин, профессор А.В. Соловьев.

Мое первое личное знакомство с русской эмиграцией произошло в 1980-е годы в Белграде и произвело на меня сильнейшее впечатление. Мы с мужем закончили исторический факультет МГУ со специализацией «История южных и западных славян» и более 10

11 Бондарева Е.А. Рах Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья. М., 2012.

лет работали и жили в Югославии. Нас, конечно, очень интересовала история Балкан; события ее последнего трагического десятилетия XX века разворачивались, по сути, на наших глазах – но это, наверное, особая тема. Тогда, в 1980–1990-е годы, меня заинтересовала судьба русской эмиграции, ведь еще были живы многие «старые русские», как они сами себя называли, – покинувшие Родину после революции в 1920-е годы. Мне удалось с некоторыми из них познакомиться. Назову только несколько имен: настоятель русского храма Святой Троицы на Ташмайдане отец Василий Тарасьев и его семья, семья русско-сербского академика математика и механика К.П. Воронца, художник Георгий Лобачев, реставратор И. Вандровская, Ал. Раевский, А. Полчанинов, профессор Сальников, академик Ирена Грицкат.

Представить себе «старых русских» вне Православия просто невозможно. Для них вера была основой их личной и национальной идентичности; все их мировоззрение, вся их жизнь были сосредоточены вокруг православного храма. Чаще всего можно было встретиться именно в нашей церкви, где все собирались по воскресеньям и праздникам; особенно много прихожан было на Пасху. Почувствовав эту необходимость Православия для их жизни и радость их пребывания в вере, многие из нас глубже стали задумываться об этом – мы же были советскими людьми, комсомольцами, и наша история жизни была совсем иной. В процессе общения возникали разногласия, однако был и большой пласт проблем, связанных с историей, с классической русской литературой, обсуждая которые мы действительно говорили на одном языке. Пушкин, Лермонтов, Гоголь, другие наши классики оставались непоколебимым мостом между «двумя Россиями», остовом русского мира и никакая советская власть не могла этому помешать.

В это время мы подружились с удивительным человеком – Алексеем Борисовичем Арсеньевым, собравшим уникальную коллекцию изданий, материалов, документов, фотографий, связанных с жизнью русских беженцев в Югославии. Некоторые материалы вошли в его книгу «У излучины Дуная». Тогда же мы познакомились с сербскими учеными, изучавшими феномен русской эмиграции. Один из них – Остоя Джурич, большой знаток русской эмигрантской поэзии и прозы – написал книгу «Русская литературная Сербия».

Позже, работая в Институте российской истории, где сложился коллектив ученых, занимавшихся русской исторической наукой в эмиграции (А.Н. Сахаров, М.Г. Вандалковская, Ю.Н. Емельянов), я стала

уже в академическом плане заниматься этой проблематикой.¹² И для меня открылось другое видение, другая трактовка русской истории, весьма отличная от той, которая нам преподносилась как единственно правильная. И тогда все наследие русской исторической мысли заиграло новыми красками. Русские историки в Белграде занимались разными отраслями знаний: античной историей (М. Георгиевский), западноевропейской историей (С.Р. Минцлов, М.Н. Ясинский). Всего, примерно, 20 имен. А русские византологи, жившие и работавшие в Сербии – в Белграде, представляли в совокупности отдельное, очень сильно и ярко выраженное, запечатлевшее себя в истории науки направление. Венцом этого направления является творчество академика Георгия Александровича Острогорского. Его «Историю Византии» недавно перевели на русский язык, а до этого она многократно выходила на сербском и немецком языках. Ему удалось сохранить кафедру византологии в социалистической Югославии, в отличие от Советского Союза, где эта наука долго, к сожалению, была в загоне. С византологией тесно связано еще одно направление – история византийского искусства. Балканы дали уникальную возможность

12 См.: Бондарева Е.А. Сотрудничество Пражского и Белградского русских научных центров // Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. К 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика. По материалам международной научной конференции. М., 2005. С. 125-134; Бондарева Е.А. Историческая судьба России в трудах иерархов русской православной церкви за рубежом. Митрополит Антоний (Храповицкий), митрополит Анастасий (Грибановский), архиепископ Серафим (Соболев) // Бялата эмиграция в България. Материали от научна конференция. София, 2001. С. 328-353; Бондарева Е.А. Духовный опыт русской диаспоры в Югославии. 1920 – 1944 гг. // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX – XX вв. Сборник статей / Сост. Г.Я. Тарле. М., 2001. С. 160-169; Бондарева Е.А. Война и эмиграция // «Стратегия России». Февраль 2012. №2. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews.php?archive=1330502952&id=1330502272&start_from=&subaction=showfull&ucat=14; Бондарева Е.А. Размышления иерархов Русской православной церкви за рубежом о причинах и уроках революции // Русский исход как результат национальной катастрофы. К 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории России. М., 2011. С. 169-188; Бондарева Е.А. Государственность в самосознании русского народа // Святой князь Владимир Киевский (1015 – 2015 гг.). Сборник статей в честь 1000-летия преставления. Београд, 2017. С. 134-145; Бондарева Е.А. Парадигмы русской истории в работах историков белградского круга // Актуальные аспекты истории и современности русского зарубежья: параллели и антитезы / Отв. ред. М.М. Кононова [и др.]. М., 2007. С. 107-141; Из архива А.В. Флоровского. Конспект статьи «Предмет и содержание “русской истории или истории России”» (подг. Е.А. Бондарева) // История и историки. Историографический вестник. М., 2001. С. 325-332.

познакомиться с памятниками византийской культуры: иконами, фресками, архитектурными сооружениями. Греция, Македония и Сербия – страны, сохранившие эти уникальные памятники. На территории Косово, например, есть несколько сотен уникальных ансамблей византийской архитектуры XI–XIV веков, которые практически не перестраивали вплоть до XX века. Огромный вклад в исследование данного наследия внесли русские ученые, в том числе Кондаков и Успенский, которые собирали византийские памятники. Замечательный русский ученый Н.Л. Окунев создал научную группу, с которой объехал Косово, Южную Сербию, современную Македонию. Они копировали фрески византийских церквей и монастырей и потом воссоздавали эти фрески на огромных картонах. В Белграде до сих пор существует музей, где эти картоны выставлены. Благодаря деятельности группы Окунева мы имеем возможность видеть и изучать фрески, которые после бомбежек в 1999 году, после всего, что случилось в Косово, были утрачены. Но эти копии не просто сохранялись – на их основе знаменитый русский архитектор Н. Краснов создал эскизы мозаик по сюжетам старинных фресок сербских монастырей. Они были воспроизведены в уникальном ансамбле храма-памятника династии Карагеоргиевичей на Опленце. Это удивительный храм-усыпальница во имя святого Георгия, сопоставимый по мозаичной площади только с собором Спаса на Крови в Санкт-Петербурге. Таким образом, вклад русских художников, историков, архитекторов в то, чтобы все это сохранить и развить эту традицию, невозможно переоценить. И это только одно направление деятельности русских ученых-историков на Балканах.

Надо сказать, что русские профессора работали, преподавали, как правило, в двух или трех местах и жили очень скромно. Огромная часть средств у них уходила на покупку книг, выписку их из-за границы. Русские ученые, оказавшиеся в эмиграции, были оторваны от России, от русской, советской науки, от архивов, библиотек, то есть от всего того, что необходимо для научных исследований. Они старались это восполнить, используя доступные фонды, прибегая ко всем возможным источникам научных материалов балканских стран, собраниям университетов, архивов, библиотек Вены, Берлина, Парижа... Они ввели в оборот исторической науки большой объем данных, которыми советская наука часто не располагала. Необходимо иметь в виду и ситуацию с исторической наукой в СССР в 1920–1930-е годы. Это было время создания Института красной

профессуры и преследования старых русских академических и университетских ученых. Трагическим примером этого являются судьбы академиков С.Ф. Платонова и Е.В. Тарле, буквально затравленных властями. Такие «старорежимные выдумки», как византология или славистика, были упразднены, а «дело славистов», по которому проходил, например, и Михаил Несторович Сперанский, практически выкосило специалистов. Последствия идеологических установок и ревизий в исторической науке еще многие десятилетия сказывались на качестве исследований. И даже когда в 1970-е годы Л.Т. Пашуто (он, кстати, переписывался с историками белградского круга и высоко оценивал их вклад в науку) стал заниматься историографией историков-эмигрантов, ему чинились всяческие препятствия, а собранные им материалы до сих пор не только не опубликованы, но даже до конца не разобраны!

Среди титанов белградского круга выделяется несколько имен. Е.В. Спекторский – это удивительный ученый, которого я могу сравнить только с Питиримом Сорокиным, потому что он был человеком энциклопедических знаний, работал на стыке нескольких дисциплин: права, истории и социологии. Науку о государстве он не только знал, он ее, собственно говоря, формировал. Учебники, написанные им в период эмиграции, до сих пор издаются в Югославии на сербском языке как учебные пособия. Он был ректором Киевского университета, профессором Белградского, Люблянского, Пражского университетов, а после войны возглавил русскую академическую группу в США. В трудах Спекторского заключены методологические, ценностные, концептуальные основы науки, на которые можно наращивать эмпирическую массу.

Другой историк и правовед – Ф.В. Тарановский. Федор Васильевич был профессором Варшавского университета. Он знал чуть ли не все европейские языки, причем знал их блестяще. Он был представителем школы государственоведения, которого сейчас вообще нет как научной дисциплины. А в царской России государственоведение было представлено замечательной плеядой ученых: Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, М.Ф. Владимирский-Буданов и др. К этой славной когорте принадлежал и Ф.В. Тарановский. Он знал западноевропейское, византийское, славянское право. Находясь на Балканах, он изучил огромный массив сербских правовых средневековых актов, которые опубликовал, ввел в научный оборот. Точно так же, как русские искусствоведы вводили огромный пласт византийского искусства

в европейскую науку, так и русские правоведы вводили памятники правовой культуры южных славян в общеевропейскую практику.

В.А. Мошин, А.В. Соловьев – это представители более молодого поколения. Они еще не были состоявшимися учеными ко времени эмиграции и доучивались уже в изгнании, досдавали экзамены в Русском научном институте. Их профессорами были как раз Ф.В. Тарановский, Е.В. Спекторский, А.Л. Погодин.

Жизнь В.А. Мошина складывалась сложно. Он работал и в Сербии, и в Хорватии, и в Македонии, но не по собственному выбору, а по обстоятельствам: его все время куда-то переводили. В итоге он поработал во всех республиках бывшей Югославии и везде создал школы учеников. В русской истории он больше всего занимался двумя сюжетами: норманнской теорией и Хазарией. Об этом и те статьи, которые вошли в книгу. Могут только сказать, что те выводы, к которым он пришел в результате своих исследований, до сих пор не утратили научной актуальности.

В 1930-е годы Мошин и Соловьев несколько раз как ученые приезжали на Афон, где занимались описанием сербских рукописных собраний, хрисовулов, грамот сербского монастыря Хиландар. Впоследствии они весь этот огромный пласт документов опубликовали. Но на Афон они отправились не только как ученые, но и как православные люди. И мне кажется, что пребывание там оказало на Мошина огромное влияние. Вскоре после этого началась война. В то время его семья была в Белграде, где вся жизнь русской общины концентрировалась вокруг русского храма. И он вспоминает, что они с женой буквально не выходили из храма. На богословских курсах, которые открылись при храме во время оккупации Белграда, читали лекции ведущие профессора, богословы и философы, в том числе и Евгений Трубецкой. Лекции читались, а священников не хватало, и В.А. Мошин был рукоположен в диаконы, а через полтора месяца стал и священником.

В его воспоминаниях есть потрясающий эпизод. Когда Красная Армия вошла в Белград, он вынужденно познакомился с русским офицером. Это была его первая встреча с советским человеком. И случилась она во время производимых тогда арестов. Его тоже посадили в камеру, где находились самые разные люди, потом вызвали на допрос. Сам Мошин описывает его так: «Сидит передо мной молодой, аккуратный, собранный советский офицер. Я ему все без утайки рассказал. Сказал, что я священник русского храма Пресвятой Тро-

ицы. Он меня спросил, не сотрудничал ли я с немцами. Я сказал, что нет. После этого он пожелал мне всяческих успехов и не просто отпустил меня, а вывел меня за пределы комендатуры так, чтобы со мной ничего не случилось по дороге».

После войны Мошина отправляют в Хорватию, в Загреб, и там он вновь становится клириком русского храма. До самого преклонного возраста он совмещал два служения – служение науке и служение Церкви. Это ему, как ученому, очень дорогого стоило, потому что в социалистической Югославии такое, мягко говоря, не поощрялось. Но он не отступил от своих принципов.

Трагичной была судьба А.В. Соловьева – энциклопедически образованного человека. После многих мытарств его последним местом работы стала кафедра истории Женевского университета – он оказался после войны в Швейцарии. Но перед этим прошел титовские тюрьмы, пересыльные лагеря, дважды терял все свои архивы, библиотеку. Его семью арестовывали, жена стала инвалидом в Сараевской тюрьме, но все же семью ему удалось вытащить. Года три-четыре они провели в пересыльных лагерях и в конце концов обосновались в Швейцарии. Там ему пришлось сдавать огромное количество экзаменов, но он очень быстро доказал свою профессиональную состоятельность. Помогло блестящее знание иностранных языков, европейской истории, римского и византийского права. И как это ни парадоксально, в 1950–1960-е годы некоторые статьи Соловьева – конечно, узкоспециальные – были опубликованы в советских журналах. Он вернулся на Родину своим творчеством еще при жизни. В этом смысле его биография как ученого более успешна. Соловьев написал уникальный цикл статей: «Святая Русь. Очерк развития религиозно-общественной идеи», «Национальное сознание в русском прошлом», «Белая и Черная Русь. Опыт историко-политического анализа». В очерке «Святая Русь» он пишет о самосознании русского народа, о том, каким содержанием в разные исторические периоды наполнялось само понятие «Русь». Его работа о Святой Руси вышла раньше, чем известная статья А.В. Карташёва на эту же тему. И, с моей точки зрения, Александр Васильевич глубже в своей трактовке.

А.В. Соловьев пишет и о том, почему именно в России тоска по утраченному Небесному Отечеству столь глубоко укоренилась в народном сознании. Надо понимать, что на протяжении короткого исторического периода произошли колоссальные сдвиги в средневековом мироустройстве. Пала Византийская империя, Царьград,

куда вошли сначала латиняне-крестоносцы, потом иноверные турки. Страна, от которой Русь приняла христианскую веру, церковные книги – наследие святых Кирилла и Мефодия, оказалась под агарянами. С Запада на Псков и Новгород надвигаются латиняне. С Востока давит Орда. И в таком окружении Русь оказывается единственной хранительницей истинной веры. Отныне в сохранении Православия заключается ее долг, служение и призвание. И эта идея овладела всем обществом – от смерда и кожемяки до князя и митрополита. Вот еще одна причина, почему Русь называется Святой.

Безусловно, в русской истории были периоды, когда не было государственного единства, но было единство церковное, которое позволяло народу сохранять понимание своей национальной общности. Таким образом, именно церковное единство было залогом последующего восстановления единства государственного. И в работах ученых даны конкретные исторические примеры этому. Возьмите Смутное время. Государства нет, оно все раздроблено. Здесь и поляки, и шведы, и внутри самого государства русские воюют с русскими – в общем, полный хаос. Откуда приходит осознание единства и необходимости восстановления государства? От Церкви, от патриарха Гермогена. Как заметил философ Владимир Соловьев, «Святая Русь требует святого дела». Восстановление единства государства после Смуты и было таким святым делом.

Некоторые из поднятых в межвоенный период тем, звучат крайне злободневно и совершенно не утратили полемической актуальности. К таким относится статья Спекторского о либерализме. В межвоенный, послереволюционный период, когда в Европе после Первой мировой войны установились авторитарные режимы – в Италии, Германии, Испании. В России – советская власть, разрушившая исторические основы государства и демократические конституционные институты. В этот период идеи свободы человеческой воли, гражданских свобод переживают упадок. Спекторский говорит, что авторитарные режимы падут, а либерализм еще переживет новый ренессанс, и тогда очень важно будет вспомнить, что свобода регулируется, прежде всего, этическими нормами, нравственностью. Мне кажется, что эта статья крайне актуальна именно сейчас. Еще одна статья Спекторского также, думаю, вызовет интерес уже самой тематической направленностью: «Западноевропейские источники евразийства». Это течение историографии и политологии получило новый импульс к развитию и переосмыслению после рас-

пада СССР, и многие в философии евразийства видят воплощение «третьего пути» для нашей страны. Думаю, будет небесполезным услышать голос такого знатока, как Спекторский, в хоре адептов и критиков «третьего пути». В целом, на мой взгляд, важно отличать экономические и хозяйственные тенденции и векторы развития, обращенные в XXI веке в сторону Азии, от ценностных, мировоззренческих и цивилизационных основ, на которых базируется русская/российская государственность. Ведь даже отец-основатель евразийства в историографии Г. Вернадский говорил о России, что это «особый мир, особая часть света».

При этом вновь хочется обратиться к словам Федора Тарановского о цивилизационной характеристике нашей страны. Он доказывает и просто так проповедует, что в своем развитии русская государственность прошла все те же этапы политической эволюции, которые прошли основные народы Европы: от вотчинного государства через период феодальной раздробленности к централизованному государству, монархии, абсолютной монархии и конституционной монархии. В статье «Государственная культура России» Ф.В. Тарановский все это предельно четко и кратко формулирует. «Царь, – в частности отмечает он, – это славянизованная форма “цесаря”, значит – слово и понятие, идущее от римских истоков европейской культуры; это – принятое у южных и восточных славян наименование монарха великодержавного государства, то есть государства, дошедшего до сознания и возможности действенного всемирно-исторического служения... Существо царской власти выражается термином “самодержавие”. Опять-таки, “самодержавие” не есть какое-то экзотическое измышление каких-то варваров, а представляет собою переведенный с греческого славяно-русский термин для обозначения того свойства государственной власти, которое на романо-германском Западе именуется суверенитетом. Самодержавие – это суверенитет, в частности монархический суверенитет, о каковом в свое время немецкие государствоведы писали целые тома. Неизменным в понятии самодержавия оставалось и остается лишь начало непроизводности верховной власти царя, то есть самостоятельность монархического принципа. Сущность же последнего заключается в начале иерархии, строящейся сверху и исходящей от Бога, в Котором власть получает свое трансцендентное обоснование». Мысли русского ученого сегодня актуальны как никогда. Очень хотелось бы, чтобы в наших поисках национальной идеи, кода развития нашего государства

были учтены цивилизационные основы нашей государственности, о которых размышляли историки и государственоведы в изгнании.

Русский мир – явление сложное, многомерное: прежде всего, русский мир стягается внутри нас – в нашей душе, в нашей семье, в нашем доме; притом русский мир – это уклад нашей хозяйственной, деловой, управленческой деятельности – цивилизационный код развития, как замечательно сформулировала Наталия Нарочницкая; и русский мир – это русское мировидение, русская идея о мироустройстве, о началах сотрудничества с другими народами и государствами, это русские в мире. Очень важно нам сохранить и развить эту уникальную целостность картины, основы которой были созданы русскими в изгнании.

Elena Bondareva, Ph.D.,
Foundation for Historical Outlook

**The Russian world in the papers of the Russian historians from
the Belgrade circle from 1920 until 1940**

Abstract: The article sheds light on a history of the Russian emigration in Yugoslavia after the 1917 and it analyzes its significance for the development of the state of Yugoslavia. The author shares her personal experience from the contacts she's made with the representatives of the Russian emigration in Belgrade.

Key words: Russian emigration, Yugoslavia, Russia, orthodoxy, byzantine culture, history, Russian historians.